

Анализ тематических групп слов как инструмент раскрытия художественного образа

Светлана Павловна Черкашина

Кандидат филологических наук

Московский финансово-промышленный университет Синергия

Москва, Россия

Svechka8@mail.ru

ORCID 0009-0000-1816-2452

Поступила в редакцию 11.01.2024

Принята 12.02.2024

Опубликована 15.03.2024

УДК 81'373.42:82-7

DOI 10.25726/g0787-5760-0046-f

EDN MENTJB

ВАК 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HA EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Аннотация

Актуальность данного исследования определяется необходимостью выявления подтекстовых возможностей тематической лексики, которая в художественном произведении является маркером характеров героев. Исследование проводится на материале текста рассказа Виктора Юзефовича Драгунского «Все тайное становится явным». Гипотеза исследования – анализ тематических групп слов может быть использован в качестве средства экспликации особенностей художественного образа, так как именно тематическая лексика остается стабильной «независимо от других, объективных и субъективных, факторов текстообразования» (Болотнова, 2009). В статье дано определение тематической лексики, характеризующей эмоциональное состояние героев, проведен анализ ее особенностей, эксплицирован ее подтекстовый потенциал. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые рассказ В.Ю. Драгунского проанализирован с применением инструментария филологического анализа текста, выявлена и описана контекстная оппозиция слов двух тематических групп «Взрослые» и «Ребенок». Установлено, что тематическая лексика аккумулирует элементы психологичности, имеющей имплицитный характер присутствия в художественном тексте. Использованные методы интерпретации текста позволили эксплицировать и описать контекстную оппозицию слов двух тематических групп «Взрослые» и «Ребенок». Определено, что тематическая лексика может содержать элементы психологичности. Перспективы исследования мы видим в продолжении выявления роли тематической лексики в художественном произведении.

Ключевые слова

филологический анализ текста, лингвистические факторы текстообразования, тематическая лексика, художественный образ, фактор адресата, психологичность.

Введение

Выделяют объективные и субъективные факторы текстообразования, которые, в свою очередь, делятся на лингвистические и экстралингвистические. Лингвистические факторы – это речевые средства в определенных комбинациях, точнее, их отбор и организация. К ним относят:

1. Заглавие.
2. Ключевые слова.
3. Тематические группы (далее ТГ).
4. Стилистические приемы.

5. Типы выдвигения (Болотнова, 2009).

Тематическая группа – это слова, относящиеся к разным частям речи, но объединенные уровнем обобщения.

Н.С. Болотнова предлагает выделять темы широкие и узкие (Болотнова, 2009). Например, такие темы, как «Родина», «Планета», «Человек» будут широкими, а «Одежда» – узкой. Также Н.С. Болотнова говорит о том, что «необходима серьезная работа (...) по изучению тематических групп слов» [Там же].

Объектом изучения в данной статье являются тематические слова как фактор текстообразования.

Предмет изучения – роль тематической лексики как средства раскрытия художественного образа.

Материалы и методы исследования

Исследование проводится на **материале** текста рассказа В.Ю. Драгунского «Все тайное становится явным». Это произведение представляет исследовательский интерес именно в проекции филологического анализа, так как в нем, с одной стороны, в притчевой форме показан поучительный случай воспитания ребенка, актуализируемый соответствующей тематической лексикой широкой темы «Семья», с другой – представлен негативный сценарий воспитания ребенка в оппозиции двух узких групп тематических слов «Ребенок» – «Родители».

Творчество Виктора Юзефовича Драгунского (1913-1972) с разных методологических позиций исследовалось Л.В. Долженко в докторской диссертации «Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50 - 80-х гг. XX в.: Н.Н. Носов, В.Ю. Драгунский, А.Г. Алексин, В.П. Крапивин» (Волгоград, 2001) (Долженко, Носов, Драгунский, Алексин, Крапивин, 2001), О.О. Михайловой в кандидатской диссертации «Формы выражения авторской адресации в рассказах В.Ю. Драгунского для детей» (Москва, 2013) (Михайлова, 2013) и нашим коллегой из Китая Ши Юйцином в кандидатской диссертации «Жанр юмористического рассказа в творчестве Николая Носова и Виктора Драгунского» (Москва, 2020) (Ши Юйцин, 2020). И.А. Тарасова в статье «Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста» (2020) анализирует рассказ «Красный шарик в синем небе» (Тарасова, 2020).

Несмотря на то, что представленные исследования были литературоведческими, привлечение результатов изысканий коллег из сопредельной области будет только способствовать установлению научной объективности.

Гипотеза исследования – анализ слов тематической группы может быть использован в качестве средства экспликации особенностей художественного образа, так как именно тематическая лексика является наиболее стабильным материалом для текстообразования. **Цель** статьи – с помощью инструментария филологического анализа эксплицировать подтекстовые возможности тематической лексики, которая в произведении может маркировать внутреннее состояние героев.

Задачи исследования, обусловленные семантическим и лингвостилистическим методами, а также положениями некоторых литературоведческих школ (герменевтики, педагогической герменевтики, теории архетипов К.Г. Юнга), состоят в следующем:

- 1) выявить семантический потенциал слов тематической группы «Ребенок» и показать, с одной стороны, как герой приходит к пониманию неправильности своего поступка, с другой – однозначную ущербность позиции Дениски как ребенка абьюзивного родителя,
- 2) выявить семантический ресурс слов тематической группы «Родители» и показать, с одной стороны, заботливую маму, которая старается воспитать своего сына хорошим, с другой – ее абьюзивный характер, прикрытый мнимой заботой о ребенке,
- 3) проанализировать фактор адресата в рассказе, так как он определяет «авторскую интенцию», направление развития текста, языковое оформление (Болотнова, 2009).

Результаты и обсуждение

Нужно учесть, что слова ТГ обладают определенным набором качеств, отмеченных Н.С. Болотновой:

- именно слова ТГ остаются стабильными независимо от варьирования других факторов текстообразования,
- благодаря словам ТГ читатель безошибочно относит тот или иной текст к определенной теме,
- с помощью слов ТГ осуществляется связь тематического уровня с композиционным уровнем текста (Болотнова, 2009).

Путем применения методов наблюдения и сопоставления в рассказе В. Драгунского «Всё тайное становится явным» выявлены два семантических центра – Дениска и его мама, а также выбрана характеризующая их тематическая лексика, соответственно, «Ребенок» и «Родители». Повествование в рассказе ведется от имени мальчика, благодаря чему мы видим других героев его глазами, а следовательно, можем оценить, какую роль они играют в его детской жизни.

Выборка лексем ТГ «Ребенок» показывает, что образ Дениски раскрывается в основном с помощью семантических элементов трех ТГ:

- «внутреннее эмоциональное состояние» (**Видеть не могу манную кашу!** А я остался с кашей наедине. Ну, невозможно есть; Все равно было скользко, липко и противно; Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! (Драгунский, 2024),
- «внешнее отражение эмоций» (Я не люблю кашу, я же говорю. Главное, когда я глотаю, у **меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно**) (Драгунский, 2024)),
- «характеристика действия» (Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и **остановилось дыхание**, и я, наверно, **потерял сознание**, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу (Драгунский, 2024)).

Тезис «**Видеть не могу манную кашу!**» подтверждается тем, что у «**меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно**». С помощью представленных ТГ становится ясно, что каша вызывает рвотный рефлекс, причиной которого может быть психогенная рвота, обусловленная переживаниями, страхом, неприятными ассоциациями (Блонский, 1997; Интернет-аптека, 2024). Телесная жизнь, а именно рвотный позыв, может являться следствием душевного страдания.

Сильную позицию в плане наполненности эмотивным смыслом в данном отрывке, на наш взгляд, занимает «Я не люблю кашу, я же говорю», отражающее текучесть эмоций (Бабенко, 2004) состояние души героя. Попытка заявить о себе как о личности чувствующей, рефлектирующей и имеющей право на свое мнение и место в мире передается взаимодействием семантики видо-временных форм отрицательного глагола «не люблю» и глаголом «говорю». Динамика предложения организуется синтаксическим параллелизмом и анафорическим повтором местоимения я. Позиция я двойственна: с одной стороны настоящее время глаголов указывает на момент, соответствующий ситуации, с другой стороны, их несовершенный вид говорит о протяженности во времени: это одновременно из прошлого и настоящего. Фокус будущего обнаруживается в материнской фразе «Безо всяких разговоров!», которая только и могла стать реакцией на повторяющиеся протесты сына. Зная прошлые ситуации, мама предполагает их повторение и сейчас, поэтому формой повелительного наклонения глагола «Ешь!» пресекает все попытки сына бунтовать, так как понимает, что они будут повторяться.

Таким образом, сцена с завтраком становится развертываемой во времени: то, что происходит в настоящем времени рассказа, не ограничивается этой минутой, этим утром. Все началось когда-то и будет продолжаться еще какое-то время.

Так с помощью слов ТГ «Ребенок» В. Драгунский создает объемную пространственно-временную модель, в которой жизнь мальчика наполнена токсичным рассогласованием между его потребностями и требованиями взрослого. Здесь стоит согласиться с мнением Ши Юйцина в том, что мамин «стиль воспитания (...) авторитарен» (Ши Юйцин, 2020).

Глагол говорения «говорю» подразумевает наличие второго семантического центра, адресата и возможного оппонента.

Именно мама первой появляется на страницах рассказа с тезисом «Тайное всегда становится явным», в котором лексема всегда не только актуализирует повторяемость, типичность события во

времени, но и является характеристикой героини: уж она-то точно это знает, у нее есть жизненный опыт. Фраза звучит как завершение беседы, и именно мама подводит ее итог категоричным изречением.

Мама показана через две группы слов тематической лексики: она с сыном и она с другими. Такое окружение героини должно сделать явным (проявить) и ее характер.

Рассмотрим героиню в общении с другими.

С милиционером мама беседует так строго, что «милиционер даже стал по стойке "смирно"». Близкие по тональности эмоции (безапелляционность, самоуверенность) в речи мамы проявляются стабильно: «Не клеветайте. Ничего я не выливаю!» Императивом «не клеветайте» она как бы говорит: «Я не могу быть в чем-то плохой, виноватой» (Драгунский, 2024).

Эмотивно насыщенным нам видится наречие «тихо»: «Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!» Героиня поняла, какой непростой путь прошла каша, оказавшись на шляпе прохожего. Наречие актуализирует определённый ассоциативный ряд: *тихо, тишина, затишье перед бурей*. Дениска, изучивший маму, привычно ждет ее обычной реакции, которая не заставила себя ждать: «Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась» (Драгунский, 2024). Данная микротема раскрывает характер женщины, ее психологическую сущность: сравнением с крыжовником, ранимым при прикосновении, автор подводит читателя к глаголу рассердилась, возводимого в степень разговорным наречием «ужасно». Выстраивается контекстная градация: *мама – глаза как крыжовник – рассердилась – ужасно*. Выстроенное от 1 лица повествование позволяет герою не только иметь свой голос, но и проявлять свои чувства: наречием «ужасно» он передает ощущение внутреннего ужаса перед бурей. Слова связываются друг с другом, выявляя внутреннюю сущность героев, тем более что лексема «явное» из заголовка занимает сильную позицию в тексте.

Какой предстает мама со своим сыном?

Ее вторая фраза в тексте «А это значит, что, если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!» (Драгунский, 2024) категорична и полна лексем со значением вины: *это узнают, стыдно, наказание*. Эти слова, произнесенные безотносительно кого-либо, в частности Дениски, тем не менее, содержат скрытую угрозу: *все – это я, стыдно – я сумею вызвать в тебе это чувство, наказание – то, что ты непременно получишь*. «Герой (Дениска – С.Ч.) доверяет взрослым» (Ши Юйцин, 2020), но от них «априори исходит угроза наказания, так как как они априори уверены в проступке ребенка или его дурных намерениях» – именно так и звучат слова мамы (Долженко, 2001). Ее слова, брошенные легко, производят нужный эффект: «Я (...) лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал...» (Драгунский, 2024). Во внутреннем монологе ребенка – высочайшее психологическое напряжение, основанное на уже привитом мамой и присвоенным ребенком чувстве плохости. Дениска знает, что он всегда будет виноват и наказан. Вслед за В.М. Величкиной (Величкина, 1975) Л.В. Долженко говорит о традиции «маркировать» рассказы Драгунского как «юмористические» (Долженко, 2001). Однако, по ее мнению, мастерство В.Ю. Драгунского заключается в том, что Дениска Кораблев стал не только «символом детства», но и образцом «инвариантности детства с его чистотой, доверчивостью, незащищенностью и вытекающими из этого проблемами» (Долженко, 2001).

Сцена с кашей вводится в текст противительным союзом «но».

Вспомним робкое Денискино «Я же говорю», которое он в прошлом, скорее всего, не раз говорил маме в ответ на невкусную еду, в слабой, а потому безуспешной попытке себя защитить. В тексте опущено описание событий прошлого, но они эксплицируются глаголом повелительного наклонения «ешь» и экспрессивным парцеллятом «Безо всяких разговоров».

Развитие действия приводит к конфликту, в котором у Дениски заведомо слабая позиция: «Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться» (Драгунский, 2024).

Глагол «закричала» в большей мере является глаголом «речевого общения» (Болотнова, 2009), нежели говорения, и описывает не собственно речевой акт, а оправдавшееся внутреннее ожидание мамы, что Дениска опять откажется от ненавистой каши. У нее заранее был подготовлен подавляющий инициативу ребенка боевой лексический арсенал: *закричала, на кого ты (...) похож, Кощей, ешь, ты должен поправиться*. Эмотивной группой слов со значением агрессии, уничтожения, принуждения поступать определенным образом, а именно подходящим маме, женщина добивается покорности сына, по сути, ломая его психологически. Защищаясь, Дениска говорит:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдем с тобой в Кремль? (Драгунский, 2024).

Опытный абьюзер, мама быстро применяет тактику *эмоциональные качели* – это резкий переход от любви до ненависти и наоборот. Такой тип выдвигания, как контраст (термин М. Риффатера) (Арнольд, Банникова, 1972) реализованный с помощью лексем *села со мной рядом; обняла меня; ласково спросила; хочешь, пойдем с тобой в Кремль* призван указать на видимость близости и взаимопонимания, однако имплицитно он содержит манипулятивную уловку мамы, которая по-прежнему преследует свою цель – все-таки скормить кашу. Теперь она действует мягко и аккуратно: «Ну вот, съешь всю кашу, и пойдем. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть все до дна!» (Драгунский, 2024). Мама предлагает «невкусные блюда», но «требует безоговорочного подчинения своим приказам» (Ши Юнцин, 2020).

В лексиконе мамы активно используется модальное слово «должен», создающее определенную целевую установку соответствия той модели поведения ребенка, которую мама хотела бы видеть в Дениске. Примечательно, что мама не завтракает вместе с сыном (она моет тарелки), как должно быть принято в любящей семье, он ест один, что вычитывается как отвержение. Причину появления отрицательных эмоций «в системе детско-родительских отношений» исследователи видят «в неудовлетворенной потребности ребенка в родительской любви, его эмоциональном отвержении, в осознанном формировании у ребенка чувства вины» (Махортова, 2006).

Когда мама увидела тарелку без каши, она обрадовалась своей победе и поцеловала в знак одобрения и соответствия заданной ею модели поведения ребенка в семье. Номинативом «парень-молодец» мама обозначила, что решение задачи было правильным и она довольна. Праздную победу, она старается ее закрепить ироничным поощрением: «Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль!» (Драгунский, 2024). Сарказм звучит и в переделанной ею по-своему строке из стихотворения «Революционный гудок» Демьяна Бедного:

Глубокою ночью воздух морозный

Прорезал призыв твой тревожный и грозный:

«Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Смертельный твой враг – у ворот!»

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,

Звучал, как набат, над трудящимся людом:

«Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Насильник стоит у ворот!» (Бедный, 1917).

Уже отмечалось, что мама вряд ли была знакома с текстом Евангелия в эпоху доминирования классовых ценностей. Своей насмешкой она показывает, что и советские ценности ей не интересны. Слова ТГ «Родители» показывают, что мама сама определяет значимость событий и людей в своей жизни. И никому не уступит своего первого места. Однако советскому читателю 70-годов текст стихотворения Д. Бедного был знаком, и аллюзия на это произведение имплицитно указывает опять же на тему насилия.

В статье ставилась задача показать, с одной стороны, как Дениска приходит к пониманию неправильности своего поступка и как этому способствует мама, которая старается воспитать своего сына хорошим.

Эпизод развязки показывает, что мальчик признает свой поступок проступком, потому что ему страшно было на нее взглянуть, но «я себя пересилил и подошел к ней». Номинация чувств и действий заостряет эмоциональную доминанту эпизода. Герою безопаснее признать свой протест проступком, нежели пытаться доказать что-либо маме. Пересилить страх перед такой мамой – это настоящий подвиг, который вместе с отказом есть кашу показывает, что мальчик живет в состоянии сопротивления. В его возрасте признать «Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!» вычитывается как способ социальной мимикрии и выживания.

Желая убедиться, что она все-таки победила, мама «смотрела долго-долго и потом спросила: – Ты это запомнил на всю жизнь?» (Драгунский, 2024).

Кто задает этот вопрос? Мама, которая действительно старается воспитать своего сына хорошим, или мама, которая взглядом-лазером прожигает сына, проверяя, сумела ли она втиснуть маленького человека в трафарет своего представления об удобном ребенке и нет ли в местах стыков больших зазоров?

Содержательно-фактуальная сторона рассказа показана глазами мальчика, что позволяет вполне определенно задать такой вопрос. И это тем более уместно, потому что образ матери был объектом изучения аналитической психологии. Введя в научный тезаурус термин архетип Великой Матери, К.Г. Юнг описал его амбивалентные характеристики, которые свёл к формуле «страшная и любящая мать» (Юнг, 2005). По мнению К.Г. Юнга, материнский архетип имеет как позитивное значение, так и негативное. В положительном плане с этим архетипом ассоциируются «материнская забота и сочувствие, (...), мудрость и духовное совершенство, любой возвышенный порыв или полезный инстинкт – словом, всё, что связано с добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию» (Юнг, 2005). В негативном смысле деспотичные, ревнивые матери-тираны требуют полной покорности или безусловной любви.

Слова тематической группы «Родители» позволяют рассматривать образ мамы в рассказе В. Драгунского в аспекте «ужасной» матери. Несомненно, что она старается воспитать своего сына хорошим, но, с другой стороны, методы воспитания (если съешь кашу – пойдем в Кремль), отношение (ребенок завтракает один, пищевое насилие; «мне даже страшно было на нее взглянуть»), поступки («закричала»), слова («Ешь»; «Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться»; «Только помни – ты должен съесть все до дна!») не оставляют сомнений в абьюзивном характере ее отношения к сыну.

Как отмечает китайский исследователь Ши Юйцин, «взаимоотношения мамы и Дениса неоднозначны» (Ши Юйцин, 2020). Ши Юйцин считает, что «материнское отношение к сыну выстраивается на принципах опеки и определенной доли деспотии» [Там же]. Примечательно, что ученому с другим национальным менталитетом особенности нашего воспитания кажутся спорными.

В рассказе «Гусиное горло» мама называет подарок сына мерзостью и ужасом, а вот друг Мишка скажет, что лучшим подарком на день рождения было именно гусиное горло (Долженко, 2001).

Область человеческих отношений в мире детства рассматривалась и И.А. Тарасовой на примере рассказа В. Драгунского «Красный шарик в синем небе». Исследовательница приходит к выводу о том, что «семантика глаголов используется автором для введения трансфизического смысла. (...) В речи героев подчеркивается неосознанный/осознанный характер действия: "Зачем ты его упустил?" (Аленка) – "И я взял и выпустил его" (Дениска)» (Тарасова, 2020). По мнению И.А. Тарасовой, «глагол "выпустить" содержит в своей семантической структуре сему "свобода". (...) Мысль о (...) необходимости свободы становится в рассказе важнейшим итогом социализации, взросления "маленького" героя (Аленки)» (Тарасова, 2020). И.А. Тарасова считает, «что концепт свободы» «проникнут настроениями "оттепели"» (Тарасова, 2020). Здесь можно говорить об изменении к миру детства: ребенок-герой перестает быть идеальным, находящимся как бы вне существующей реальности. Детей начинают показывать такими, какие они есть, но не без дидактической подоплеки, конечно (Арнаутов, 1970). С другой стороны, в образе свободно парящего шарика может быть отражена и мечта о свободе, которая в основе своей базируется на желании детей быстрее вырасти и покинуть детство, потому что оно нередко очень травматично.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет установить следующее.

Стабильность тематической лексики, ее связь с темой, а следовательно, и сюжетом позволяют писателю актуализировать несколько микротем, объединенных одним денотатом – частью действительности, отраженной в тексте. Анализ ТГ рассказа В.Ю. Драгунского «Все тайное становится явным» дает возможность выявить имплицированный в подтексте эмотивный пласт, позволяющий раскрыть характеры героев.

Использованные методы интерпретации текста позволили эксплицировать и описать контекстную оппозицию слов двух тематических групп «Взрослые» и «Ребенок». Определено, что тематическая лексика может содержать элементы психологичности.

Перспективы исследования мы видим в продолжении выявления роли тематической лексики в художественном произведении.

Список литературы

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. Пер. с болг. Д.Д. Николаева. М.: Прогресс, 1970. 654 с.
2. Арнольд И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст // Стиль и контекст. Л., 1972. С. 1-13.
3. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. 462 с.
4. Бедный Д. Революционный гудок. 1917. URL: <https://www.culture.ru/poems/25518/revolyucionnyi-gudok>
5. Блонский П.П. Психология младшего школьника. М.; Воронеж: Питер, 1997. 574 с.
6. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
7. Величина В.М. Учебники прогрессивных педагогов для народной школы // Советская педагогика. 1975. № 12. С. 54-67.
8. Долженко Л.В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50 - 80-х гг. XX в.: Носов Н.Н., Драгунский В.Ю., Алексин А.Г., Крапивин В.П. Дисс. д. филол. н. Волгоград, 2001. 394 с.
9. Драгунский В.Ю. Всё тайное становится явным. 2024. URL: <https://nukadeti.ru/skazki/dragunskij-tajnoe-standovitsya-yavnym>
10. Евангелие от Матфея. 2024. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&r>
11. Махортова Г.Х. Зависимость эмоциональных переживаний детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста от характера внутрисемейных отношений: автореф. к. псих. н. М., 2006. 194 с.
12. Михайлова О.О. Формы выражения авторской адресации в рассказах В.Ю. Драгунского для детей: Дисс. к. филол. н. Москва, 2013. 200 с.
13. Интернет аптека // Рвотный рефлекс – обзор возможных причин URL: <https://366.ru/articles/rvotnyj-refleks-obzor-vozmozhnykh-prichin/>
14. Тарасова И.А. Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 374.
15. Ши Ю. Жанр юмористического рассказа в творчестве Николая Носова и Виктора Драгунского: дисс. к. филол. н. М., 2020. 244 с.
16. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. 400 с.

Analysis of thematic groups of words as a tool for revealing an artistic image

Svetlana P. Cherkashina

Candidate of Philology

Moscow Financial and Industrial University Synergy

Svechka8@mail.ru

ORCID 0009-0000-1816-2452

Received 11.01.2024

Accepted 12.02.2024

Published 15.03.2024

UDC 81'373.42:82-7

DOI 10.25726/g0787-5760-0046-f

EDN MEHTJB

VAK 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HA EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract

The relevance of this study is determined by the need to identify the subtextual possibilities of thematic vocabulary, which in a work of art is a marker of the characters' characters. The research is carried out on the basis of the text of the story by Viktor Yuzefovich Dragunsky "Everything secret becomes clear." The research hypothesis is that the analysis of thematic groups of words can be used as a means of explicating the features of an artistic image, since it is thematic vocabulary that remains stable "regardless of other, objective and subjective, factors of text formation" (Bolotnova, 2009). The article gives a definition of thematic vocabulary, analyzes its features that characterize the emotional state of the characters, and explicates its subtextual potential. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time the story of V.Yu. Dragunsky was analyzed using the tools of philological text analysis, the contextual opposition of two words of the thematic groups "Adults" and "Child" was identified and described. It has been established that thematic vocabulary accumulates elements of psychology, which have an implicit presence in a literary text. The methods used to interpret the text made it possible to explicate and describe the contextual opposition of the words of two thematic groups "Adults" and "Child". It has been determined that thematic vocabulary may contain psychological elements. We see the prospects for research in continuing to identify the role of thematic vocabulary in a work of art.

Keywords

philological analysis of the text, linguistic factors of text formation, thematic vocabulary, artistic image, addressee factor, psychological.

References

1. Arnaudov M. Psychology of literary creativity. Per. from Bulgarian D.D. Nikolaev. M.: Progress, 1970. 654 p.
2. Arnold I.V., Bannikova I.A. Linguistic and stylistic context // Style and context. L., 1972. S. 1-13.
3. Babenko L.G. Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis. M.: Academician. Project; Ekaterinburg: Business book, 2004. 462 p.
4. Poor D. Revolutionary whistle. 1917. URL: <https://www.culture.ru/poems/25518/revolyucionnyigudok>
5. Blonsky P.P. Psychology of junior schoolchildren. M.; Voronezh: Peter, 1997. 574 p.
6. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text. 4th ed. M.: Flinta: Nauka, 2009. 520 p.

7. Velichkina V.M. Textbooks of progressive teachers for public schools // Soviet pedagogy. 1975. No. 12. P. 54-67.
8. Dolzhenko L.V. Rational and emotional in Russian literature of the 50 - 80s of the twentieth century: Nosov N.N., Dragunsky V.Yu., Aleksin A.G., Krapivin V.P. Diss. D. philol. Volgograd, 2001. 394 p.
9. Dragunsky V.Yu. Everything secret becomes clear. 2024. URL: <https://nukadeti.ru/skazki/dragunskij-tajnoe-stanovitsya-yavnym>
10. Gospel of Matthew. 2024. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&r>
11. Makhortova G.Kh. The dependence of the emotional experiences of children of senior preschool and primary school age on the nature of intrafamily relationships: abstract of thesis. k. psych. n. M., 2006. 194 p.
12. Mikhailova O.O. Forms of expression of author's addressing in V.Y. Dragunsky's stories for children: Diss. K. philol. n. Moscow, 2013. 200 p.
13. Online pharmacy // Gag reflex - review of possible causes URL: <https://366.ru/articles/rvotnyj-refleks-obzor-vozmozhnykh-prichin/>
14. Tarasova I.A. Key words as a tool for interpreting literary text // News of Saratov University. New ser. Ser. Philology. Journalism. 2020. T. 20. Issue. 4. P. 374.
15. Shi Yu. The genre of a humorous story in the works of Nikolai Nosov and Viktor Dragunsky: dissertation. K. philol. n. M., 2020. 244 p.
16. Jung K.G. Soul and myth. Six archetypes. M.: AST, Mn.: Harvest, 2005. 400 p.